

Государственный комитет Российской Федерации
по высшему образованию

Ивановский государственный университет

**КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ,
МАРИНА ЦВЕТАЕВА
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ
ХХ ВЕКА**

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 2

Иваново
Ивановский государственный университет
1996

Об искренности и глубине чувства свидетельствует резко изменившийся тон писем Иловайской Цветаеву. Она пишет ему с дороги из Варшавы, едва расставшись с ним: "Мне часто приходят в голову наши последние дни во Флоренции и я себя горько упрекаю теперь, что позволяла Вам слишком много. Правда, у меня одно извинение — что удержать Вас на известной дистанции очень мудрено. Почему я не знаю, но знаю, наверное, что будь на Вашем месте другой, то и подумать не смел о таких вольностях, которые вам позволялись" (9 мая, о/14). Но несмотря на упрек, здесь же: "Пожалуйста, не заглядывайтесь на хорошеных итальянок, мне уже сказали, что оставлять одного жениха в Италии — очень неразумно <? — нрзб.>" (9 мая, о/14). Более того, в конце писем появляется фраза: "Целую Вас украдкой" (7 мая, н/13), красноречиво говорящая о доверительности их отношений.

Московские будни Иловайской перед свадьбой были наполнены не только домашними делами, она сообщает Цветаеву также и о тех замечательных событиях общественной жизни, которым она была свидетельницей. Например об открытии памятника А. С. Пушкину на Тверском бульваре 6 июня 1880 г. Она пишет: "Вчера приехал в Москву Ваш младший братец⁶. Он прислан депутатом на праздник Пушкина, который теперь здесь всех очень занимает" (3 июня, у/19). А по прошествии торжества снова упоминает: "Вчера приходил прощаться Дмитрий Владимирович. Окончив свои депутатские обязанности, он едет теперь на все лето к батюшке (в с. Талицы Шуйского уезда Владимирской губернии. — Е.С.). Посидел у нас вечерок, а сегодня уезжает" (10 июня, х/21).

Подходил к концу срок командировки, и Цветаев спешил вернуться в Москву. Он возвращался через Анкону, Болонью и Милан — на итalo-австрийскую границу, на обратном пути еще получая письма от невесты. Он не забыл позаботиться о подарках, о чем Иловайская упоминает в письме: "...благодарю Вас за хлопоты о веере и в этом отношении вполне полагаюсь на Ваш вкус" (31 мая, т/18).

Накануне свадьбы Цветаев предполагал побывать у отца в Талицах, где в это время должен был отдыхать и его младший брат Дмитрий Владимирович. В одном из последних своих писем Иловайская признается Цветаеву в том, что его отец и брат ее приняли и полюбили, даже после непродолжительного знакомства. "Мне очень лестно, — пишет она, — что я произвела на них благоприятное впечатление. Передайте батюшке, что сердце сердцу весть подает" (17 июня, щ/25).

⁶ Цветаев Дмитрий Владимирович (1851—1920) — историк, публицист, педагог.

Таким образом, в рассматриваемых нами письмах В. Д. Иловайской мы встречаем подробности жизненного уклада и быта семьи Цветаевых в период, который менее известен в исследовательской литературе. С помощью этих документов удается правильно расставить акценты в спорах, домыслах и семейных преданиях, чтобы избежать ненужной и подчас порочащей мифологизации личности Варвары Иловайской, дать объективную оценку ее места в судьбе И. В. Цветаева.

С. А. АЙДИНЯН

Литературно-художественный музей М. И. Цветаевой, г. Александров

ПЕРВАЯ КНИГА АНАСТАСИИ ЦВЕТАЕВОЙ (К столетию со дня рождения)

Рассматриваются основные черты философии отрицания, легшие в основу "Королевских размышлений" (1915), вызвавших интерес и отклики Л. Шестова и В. Розанова.

Чувство потери. Рано возникло оно у сестер Цветаевых. Расцветала грусть — каждый миг выпить до дна, каждую каплю заронить на дно души, чтобы не растворилась бесследно. От чувства потери — восприимчивость, глубина памяти, способность входить с головой — в судьбу человека, в книгу, в день впечатлений...

"С первых лет, — пишет А. Цветаева, — мы начинаем разговор друг с другом и с мамой "А помнишь..." У нас (и у мамы, должно быть) сосет тоской по всему, что было, что живет уже только в душе; что — "прошло"¹. И в четырнадцать лет, наслаждаясь тарусской природой, дружбой, окунаясь в первые, полудетские увлечения, Анастасия Ивановна часто оглядывалась в прошлое, не стремилась в будущее: "Я глядела на себя со стороны, понимая, идет самая лучшая пора жизни. Я не хочу вырастать"². Умение глядеть на себя со стороны — качество высокое, умное. А что углубляет умение это более, чем день за днем заполняемый дневник, бескорыстный друг и исповедник?

Дневник — ларец памяти — сохраняет прожитое. Дневник у человека талантливого — поле самоанализа, причудливый двойник,

¹ Цветаева А. И. Воспоминания. М., 1984. С. 25.

² Цветаева А. И. Несколько слов о друзьях-писателях // Даугава. 1986. № 11. С. 120.

он всегда — дитя одиночества. Тетрадь за тетрадью вела дневник мать сестер Цветаевых, Мария Александровна. В записи поселялась романтическая душа ее любви, трагической, прерванной во имя долга. Вслед за матерью Анастасия Цветаева с двенадцати лет стала вести дневник. Его первые страницы были — как начинающему художнику этюды с натуры. Они наполнены стремлением заглянуть глубже в зеркало собственной — с собой — откровенности. Но одновременно они — первая проба писать художественно. Я спрашивал Анастасию Ивановну о ее дневнике. Она отвечала: "Я не ложилась спать, пока не повторяла (письменно) день, в который многое было пережито. Писала, сжигала себя до рассвета. Днем не было времени писать, нужно было жить..."

Читая старую машинопись "Воспоминаний" Анастасии Ивановны, наткнулся на патетическую речь, к дневнику обращенную: "Как Марина любила тебя! Как она восхищенно слушала твои страницы, всегда неожиданные, вечно — новые, по-сестрински влюблявшие ее в меня... И мы твердо знали тогда, что когда-нибудь позже, может быть в мои зрелые годы (в те, когда "взрослые" женщины знают толк в кружевах и блещут гордой осанкой), я этот дневник издам — начну издавать том за томом и отдам всем мою жизнь день за днем, ночь за ночью, горький хмель юности, любви, расставаний, возрождений, смертей... Воскрепу жизнь, якобы улетевшую, и, конечно, загремит мое имя, как гремело имя Башкирцевой, только крепче, честнее... полнее — потому что я ничего не прячу, все пишу, ничего не приукрашиваю и такого дневника "Еще никогда не было", как сказала о нем Марина. Но Мария Башкирцева тщеславилась. Я — нет. (Мне было горше.)"

С детства, с юности судьба приносila Анастасии Цветаевой испытания. Смерть матери, смерть отца. Всю жизнь — расставания, разлуки с дорогими ей городами, друзьями. Трудный недолгий брак с Борисом Трухачевым — насмешливым, романтическим, отрешенным, неуловимым. И — еще более углубившееся после рождения сына чувство одиночества, оставленности. Вспыхнула зарницей на миг встреча с когда-то любившим ее В. Нилецдером... "встреча-прощание". Налетел пиквал чувств к Николаю Миронову, к которому и у сестры неровно билось сердце. Его томный бархатный голос, гитара, нрав порывистый, цыганский, "сумасшедшая романтика преданности". Но и с Мироновым расставаний было больше, чем встреч. Утешала только трогательная, возвышенная дружба с Борисом Бобyleвым, студентом-химиком...

В "Воспоминаниях" — эпизод: чувствуя, что брак с Борисом Трухачевым разрушается, она предала огню по живым следам жизни написанную повесть, где героиня — она сама, Трухачев, Бобyleв.

Ясна жертвенность ее шага перед предчувствием неотвратимой, еще неясной, но страшной судьбы... Это ее первая, но не последняя книга, которую постигнет подобная участь. Немало их будет за жизнь.

Грусть, безнадежность. Эти чувства близки были и Бобyleву, который пришел однажды к Анастасии Цветаевой, принес яд — предложил вместе уйти из жизни. Говорили о последнем шаге, о смерти. Ушел он один, покончил с собой. Смерть Бобyleва потрясла всех, кто его знал. О нем Анастасия Цветаева скорбела до последних дней, а тогда, избегая мучительных воспоминаний о погибшем друге, она переехала из дома, в котором жила...

Молодежь много думала о смерти. Много было разбившихся о скалу отчаяния жизней. Самоубийства. Марина Цветаева собиралась за три года до того, в 1910-м покончить с собой. И темой ее юношеских стихов часто — среди весны, детства — смерть:

...Ты дал мне детство лучшие сказки
И дай мне смерть в семнадцать лет!..

...Послушайте, еще меня любите,
За то, что я умру...³

Ветер, вечность... Поветрие времени... Дневник-исповедник, продолжаясь, все так же (и еще глубже) оставался для Анастасии Цветаевой размышлением постоянным о смысле жизни. И — все отчетливее в нем мысли... о неверии в Бога. Ослабла до последней тонкой жизненной нити религиозность, которая и раньше была в сестрах не слишком глубока. Разве что в детстве, когда жарки и искренни были их с Мариной молитвы в пансионе сестер Лаказ в Лозанне. "Я рисую костер, столб и привязанную фигуру. Это — я. Над костром руки и слово *Jesus! Jesus!*", — записала о том своем "католическом" времени Анастасия Ивановна⁴.

К 1913 году вера стала таять как лед на солнце. Молитвы творились все реже и реже после смерти отца. К 1914 году религия вообще отступила...

Из дневниковых записей — московских, петроградских, крымских — родилась составленная из размышлений-фрагментов... атеистическая книга.

"Королевские размышления"...

На титульном листе моего экземпляра "Королевских размышлений" Анастасия Ивановна сделала в 1986 году такую надпись:

³ Цветаева М. Собрание стихотворений, поэм и драматических произведений: В 3 т. М., 1990. Т. 1. С. 82, 194.

⁴ Из машинописи первого, не сокращенного редактором варианта "Воспоминаний".

"Дорогому Ст. Айдиняну, на добрую память о заблуждениях моей юности". Но тогда, в 1914–1915 годах, она твердо верила в идеи, "заложенные" за обложку ее первой книги. Спорила со всяким, кто идеи эти считал заблуждением...

"Королевские размышления" — книга большого одиночества и большого отрицания. Когда читал ее, вспоминалось двухстрочие из стихотворения Вячеслава Иванова:

Не по людски и не по божьи
Уединенная душа.

Книга "укутана" одиночеством. Чужды те, кто не разделил неверия и мятежного богоотступничества, чужды те, кто не понял, что все — безнадежно... Вслед за Иваном Карамазовым, любимым героем у Достоевского, она, юная девушка, говорит "трагу и миру" — "Не принимаю!"

Ее отрижение искреннее, выстраданное и — детски-логичное. Не удовлетворяет молодого философа сама религиозная идея мироустройства: "Неужели бог, создавая человечество, не мог выдумать для него иного пребывания, чем шарик среди пустоты, который вдобавок еще и летит? Что за нелепость!"⁵ — восклицает она, отстраиваясь. Бог, как его представляла А. Цветаева, создал людей и забыл о них, упесся куда-то в запредельность Вселенной. Но даже это утверждение — лишь художественный прием, допущенный на пороге полного отрицания...

В книге есть фрагмент: "...Для бога нет ни добра, ни зла. Иная мерка у него ко всему. Следовательно, бог вне нравственности" (16). Прочтя, вспомнил о разговоре нашем с Анастасией Ивановной о "Королевских размышлениях". Я спросил, как отнеслась цензура к выпуску столь смелой тогда книги? "Меня вызвал цензор, — рассказала она. — Сокрушился, что я, дочь профессора Цветаева, имею такой, несходный с отцом ход мыслей. "Батюшка наши не пропустит вашей книги, Вы пишите — Бог выше добра и зла, значит он безнравствен!" Но священник с терпимостью отнесся к противоположному ему мировоззрению, согласился на вариант: "бог вне нравственности". Книге дали напечататься. За ее выходом следил и правил корректуру В. О. Ниландер. Он и привез "сигнальный", как в наши дни говорят, экземпляр тиража на вокзал, куда прибыла, возвращаясь из Варшавы, Анастасия Ивановна. С розой и книгой встречал Ниландер ее, похудевшую, только что переболевшую скарлатиной...

⁵ Цветаева А. Королевские размышления, 1914 год. М., 1915. С. 19. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием в скобках страницы.

Это было в 1915 году.

Из Варшавы она привезла не дошедшую до нас, но кратко сюжетно воссозданную в неопубликованном тексте "Воспоминаний" повесть "Скарлатина". Повесть была о бесplatной дружбе-привязанности к молодому человеку, которого героиня называла Дориан. Дориан не был вымыщен, настоящее его имя — Николай Павлович Симанский, молодой офицер. Познакомились в Варшаве, в больнице. Как видим, и здесь принцип творчества тот же — дневниковый, autobiографический...

Зимой 1914 года, когда из дневниковых фрагментарных записей строились, возникали "Королевские размышления", А. И. Цветаева посещала лекции в Народном университете Шанявского. Изучала философию — новую и древнюю. Новую читал профессор Шпет, древнюю — Рачинский. Запомнила из профессоров еще Виноградова.

В ней созрел замысел (неосуществленный) — создать книгу о философах-атеистах и материалистах от времен оных до начала нашего века.

"Королевские размышления" — сочинение философское. Пожалуй, направление полета философского "ядра" книги выражено в таких словах: "...Мое несходство с другими и мое кристальное первенство: моя "бесконечность" не стоит наряду... — "с субстанцией", "волей", "пребыванием", не стоит, потому что я же ничего не разрешаю. Вся моя философская система сводится к констатированию бесконечности. Я в мою бесконечность вмешаю и бога, и разум, и а priori, и эмпирический мир, пребывание и движение, я ни единого учения не отвергаю, я допускаю, что все они правы. Я допускаю (еще глубже), что, действительно, прав кто-нибудь из них (хоть Кант, хоть Платон, хоть Спиноза) — но говорю: вокруг этого бесконечность. И от этого не уйти..." (73–74). Таким образом осознается относительность философского знания перед лицом беспредельной бесконечности.

На пути познания нет границ. Так что для человека никакая идея — не навсегда. Потому что за облаками видятся иные миры, где та же идея — ложна... Или — вариации истинности бесконечны... Вот на какие размышления наталкивают размышления "королевские".

Именно мысль о бесконечности в "Королевских размышлениях" рождает чувство безнадежности: "Если у неба нет конца, оно бесконечно; если бог есть, он в бесконечности; все — часть бес-

конечности. Поэтому все безнадежно и бесконечности не уничтожить никогда" (34).

Жаждя обнять необъятное гаснет в мировой скорби, однако создательница "Размышлений", предчувствуя философскую относительность и своих собственных утверждений, пробует, размышляя, войти в диалог с собою. Ее Ego отрицающее мрачновато названо "Некто". Некто говорит:

— "И неужели не чувствуете вы, что ваше успокоение на лаврах своего сознания тождественно с успокоением каждого философа, против которого..."

Я. Знаю и это.

Некто. Потому что каждый, предложивший свой ответ, был для себя богом. Для Гераклита не было ничего, кроме движения. Для Парменида — кроме пребывания. Для Шопенгауэра — кроме воли. Для вас — кроме безутешности. Вы говорите: есть пустота. Были такие, которые говорили: нет пустоты.

Я. Знаю. Все знаю" (43).

Столь последовательна А. Цветаева в отрицании, что если отрицает все существующие системы познания, то, следом за ними, и свою собственную.

Если быть последователем во вселенском отрицании, надо уничтожить "ценности". Основная ценность — жизнь. Жизнь духовная, душевная, физическая. Отвергая эту основную ценность, А. Цветаева, вслед за Фридрихом Ницше, допускает самоубийство. "Самоубийство — самая естественная смерть" (41), — пишет она. Мы говорили с Анастасией Ивановной о допущении в "Королевских размышлениях" самоубийства. Она сказала: "Макса (Волошина. — С. А.) я убеждала, что нас прислали насильно жить и мы имеем право уйти, когда хотим..." И добавила: "Теперь я вижу, что чувство жизни во мне было сильнее, чем все рассуждения".

У сестры ее, Маринны Цветаевой с юности в душе жил своего рода процесс — дума о самоубийстве. Именно такое вчувственное думание, размышление о своем насильтвенном конце, утвердившись в душе, став привычкой, второй натурой, рано или поздно должно в отрицательных условиях откликнуться импульсом — осуществлением. Самоубийством. Так с М. Цветаевой в 1941 году и случилось.

Для Анастасии Цветаевой самоубийство было более теоретическим допущением, одним из постулатов ее философии нравственной свободы и утверждением "пафоса безнадежности". Хотя, не повернувшись потом ее жизнь в иное русло веры и бытия, — как знать...

В "Королевские размышления" включен полемический разговор с "М. В-ным" — Максимилианом Волошиным. Анастасия Цве-

таева держит в разговоре позицию полного отрицания "жизни после смерти", защищает возможность самоубийства, как волевого и самостоятельного акта ухода из жизни. Волошин, напротив, с позиций антропософских, с верою в бессмертие говорит о тщетности такого шага — "смерти нет, и дальше будешь мучиться тем же, чем ты мучилась, кончая с собой" (26). Анастасия убеждает Макса в обратном — в том, что никто и ничто не заставит ее жить ни по смерти, ни при жизни, если она отвергает существование. На это Макс остроумно ей возражает: "Тебя возмущает то, что видишь, и ты у себя вырываешь глаз. Но ведь это продолжает существовать" (29).

Он говорит об ином понимании Бога. Не как "высшей и чудной силы", а как *чувства* бога в себе... Приводит легенду о Браме: перед Брамой явилась новопреставленная душа и Брама спросил душу, хочет ли она быть в следующих воплощениях шесть раз святым или два раза дьяволом... Душа в ответ: "конечно, дьяволом!" Из легенды следует, что пути достижения различны, цель — одна. И тот, чей путь — отрицание, тоже придет к свету. В легенде призыв — принять зло как ношу, как испытание и преодолеть его в себе. Все тщетно. Из души Аси, друга Макса, его собеседницы, бьет ток не-приятия. Ее герой тот, кто отвергает посмертье. И идею искупления мира она не приемлет. У нее своя бесконечность, у Макса — своя.

Разговор для начала века характернейший.

М. Волошин исходит из идей мировой оккультистики и антропософии Рудольфа Штейнера, разрабатывавшего пути сверхчувственного эзотерического познания мира, проникновения в иные измерения. В учении доктора (так называли Штейнера) есть элементы раджа-йоги и тайных, "сокровенных" знаний мировых религий. М. Волошин ездил к Штейнеру в Дорнах. Оставил о Дорнах воспоминания. Правда, не столь обширные, как "Воспоминания о Штейнере" А. Белого... Марина Цветаева в ее известном очерке "Живое и живом" говорит, что Макс был посвященным⁶.

В противовес М. Волошину и "сиявшему", как выразилась А. Цветаева, за его плечами Штейнеру, собственные воззрения Анастасии Ивановны тех лет вели по пути сходства к книгам Ф. Ницше. От Ницше в "Королевских размышлениях" бунт против античомий добра и зла. От Ницше — пафос отрицания, апология самоубийства... Но атеист-Ницше все же устремляется к цели, лежащей вне пределов человека. Его "сверхчеловек", о котором на рубеже веков было столько написано и сказано, это — прежде всего стремление к совершенствованию. Эгоистически-человеческое стремление, но стремление созидающее. Человек должен преодолеть себя на путях

⁶ Цветаева М. Проза. Кишинев, 1986. С. 257.

к богоподобному, высшему человеку. В дневнике 1901 года Андрей Белый писал: "Сверхчеловек — это тоска. Сверхчеловек — это заря. Сверхчеловек — это соблазн на пути к желанному обновлению"⁷.

Только как раз эволютивного начала ницшеанства Анастасия Ивановна не приемлет: "Сверхчеловек уже потому бесцелен, что он путь от человека к богу. От одной бессмысленной вещи — к другой (июль 1914, Коктебель)" (23). Герой Ницше, пророк Заратустра, ей кажется непоследовательным. Не должен он проповедовать будущее, надо исключать всякую надежду. Безнадежностью хочет она увенчать Заратустру. Она решает, и в этом замысле нет ничего невероятного, кроме дерзости, дописать пятую и шестую части "книги для всех и ни для кого" Ф. Ницше "Так говорил Заратустра", с тем чтобы в духе позднего Ницше довести Заратустру до идеи "вечного возврата": все уже было и повторится, нет ничего нового под луной. Заратустра перестал бы звать, он уже не был бы проповедником, но горьким пророком. И последняя грань — в книге должна была быть "прекрасная смерть" и совсем не было бы надежды.

Так она хотела подвести Заратустру к молчанию, к идейному концу. Неизвестно, как сам Ф. Ницше отнесся бы к такой метаморфозе, но в его книге о грустном пророке есть и такие, совсем не "королевские" слова: "Едва родились они, как уже начинают умирать и жаждать учений усталости и отречения... Но только они сами опровергнуты и их глаза, видящие одно лицо в существовании"⁸.

Что же Ницше, против? или, может быть, только в последний период жизни и мысли — за?

То, что Анастасия Цветаева намеревалась сказать в недописанных частях "Так говорил Заратустра", она очень кратко дала в "Королевских размышлениях". Я спросил Анастасию Ивановну, может слова о намерении дополнить Заратустру — лишь прием, использованный, чтобы полнее поведать об идее отрицания, отречения. "Нет, — отвечала она, — намерение было серьезно, — но жизнь, наставшая война и трудности помешали. Уже было не до того..." Сказала и замолчала, задумалась о прошлом.

В философской системе отрицания Анастасии Цветаевой Ницше, за отсутствием у него постулата о полной безнадежности, отходит на второй план. Она даже пишет о нем: "Ты пишишь книгу о грозе? Не лучше ли — выйти постоять под грозой? Ницше? Он сам был слаб и неправ. Поняв идею каната над бездной, о ней не надо было писать! Надо было просто скорей начать танцевать на канате, пока не закружится голова" (25). Здесь у А. Цветаевой противоречие,

⁷ Белый А. Юношеские дневниковые заметки // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник — 1979. Л., 1980. С. 125.

⁸ Цит. по: Успенский П. Д. Внутренний круг. СПб., 1913. С. 50.

ибо сама жизнь все-таки уподобила Ф. Ницше "канатному плясуну", образу из его же книги о Заратустре. Жизнь "перепрыгнула" философа, шедшего по тонкому канату мысли. Разум его закружился и полетел в бездну. Ницше сошел с ума. А "Королевские размышления" утверждают: "Гениальнее шага, чем сойти с ума, не придумать во веки веков" (77). Так что, соответственно воззрениям самой создательницы "Размышлений", тщетно упрекать Ницше в том, что у него на канате "не закружилась голова". А когда это случилось — не все ли равно?

Отрицание... Отрицание разума... Это на крутом повороте из прошлого в будущее скрипит старое колесо *nihilistiki*. Но здесь и новое — безнадежность мира предполагает безнадежность разума и вершина безнадежности разума — безумие!..

Но... несмотря на все декларации одиночества и безнадежности, "Королевские размышления" не окончательно мрачная книга. Напротив, в ней даже задорное, неповторимое обаяние бунтарского, талантливо отрицающего полета в жизнь...

В "Размышлениях" — изящным пером — прекрасный стиль, несколько более строгий, чем в позже написанных книгах. Книга, при бессюжетности, — неожиданная: посреди рядов и перекрестков отрицания вдруг — идиллическое, аристократическое даже, изображение дома в деревне. Дома для размышлений, "королевских" конечно... Или — падением звезды в темном небе — такое признание: "О как на лесенке моей безнадежности я верю в людей! Никого не проклинаю. Подхожу к бездне и верю в людей. Вижу бездну и верю в людей. И если когда-нибудь полечу в бездну — все так же буду верить в людей" (44). Как видите, никакой мизантропии!

"Люди глубоки и чисты.
Всего — через край.
Счастья, блеску, содержания так много!"
(44)

В действительности, если посмотреть беспристрастно, *отрицание* философски не безнадежно. Те, которые достаточно сильны, чтобы довести отрицание до конца, приходят в результате к отрицанию собственного отрицания, к осознанию необходимости другого, нового отношения к жизни. Вот так отрицание мыслится гипотетически творчески-освещенным прологом в будущее. Главное — сохранить душу, энергию. И душа, энергия из жизненного круга притянет и идею, и цель...

Мальчишеский негативизм проходит, как детская болезнь. Через годы говорила Анастасия Ивановна о своей первой книге: "Я

пыталась вместить Бога в мою голову. Он туда не помещался, и я объявила его несуществующим".

"Королевские размышления" написаны в то время, когда мосты в прошлое сожжены, а в будущее не построены. Человек в одиночестве с башни собственного разума смотрит, как мечется страдающее, ищущее его "Я".

Конечно, такие книги характеризуют эпоху, накал интеллектуального поиска. Они — как в свете молнии — освещают порывы мысли — от самого астрального идеализма до крайнего материализма. С другой стороны, такие сочинения противоположны эпохе в смысле стремления не идти слепо на поводу уже созданного, они — взмах крыльев молодости, они — бег вперед, пусть даже путь ведет в бездну...

В раздумьях над "Королевскими размышлениями" я удивлялся уму двадцатилетней девушки, создавшей, несмотря ни на какие "но", философски самостоятельную концепцию атеистического нигилизма. Эллис, бывший другом А. Цветаевой и вскользь упомянутый в книге, говорил, что "Ася умна, как три самых умных сорокапятилетних мужчины"⁹. И был прав.

Нельзя забыть упомянуть о том, кому "Королевские размышления" посвящены. Маврикию Александровичу Минику, второму мужу А. И. Цветаевой, мягкому, умному, образованному человеку, самому преданному из друзей жизни Анастасии Ивановны. Он разделял убеждения "Королевских размышлений", восхищался ими. Прожили супруги вместе очень недолго. В 1917 году Маврикий Александрович умер внезапно от гнойного аппендицита.

Уже в 1989 году, когда оттенком удивления проскальзывало во мне осознание, что говорю я с автором книги, вышедшей во время первой мировой войны, Анастасия Ивановна сказала, что позже, в 1919 году, написала книгу-опровержение на "Королевские размышления". В ней было не отрицание, наоборот — утверждение духовной стороны жизни... Но напечатать это своеобразное "обратное" продолжение к "Размышлениям" так и не смогла. Война, потом — революция...

Ответ на королевские по пафосу и детские по неприкаянности "Размышления" исчез, не войдя в наши дни. Но сами "Королевские размышления" в потоке русской философской прозы начала века — одна из блестящих, звонких, трагических капель.

⁹ Из машинописи первого, не сокращенного редактором варианта "Воспоминаний".

СОДЕРЖАНИЕ

От редактории.....	3
--------------------	---

РАЗДЕЛ I

Куприяновский П. В. Становление Бальмонта-поэта.....	5
Молчанова Н. А. "Горящие здания" в творческой эволюции К. Д. Бальмонта.....	12
Петрова Т. С. Мифологические корни "Славянского Древа" К. Бальмонта.....	17
Таганов Л. Н. Родной край в поэзии К. Бальмонта.....	25
Крохина Н. П. К вопросу о космическом начале в творчестве К. Бальмонта.....	31
Беренштейн Е. П. "Поэзия как волшебство" в системе эстетических представлений К. Д. Бальмонта.....	37
Анкундинов К. Л. Философско-эстетические взгляды К. Бальмонта и акмеизм.....	43
Николаева К. С. Константин Бальмонт в восприятии писателей русского зарубежья.....	46
Орлицкий Ю. Б. Свободный стих К. Бальмонта и М. Цветаевой (Верлибр как маргиналия: два эпизода из истории русского стиха).....	52
Молчанова Н. А., Цзяо Чень. О последней стихотворной книге К. Д. Бальмонта.....	58
Письма К. Д. Бальмонта к В. Ф. Джунковскому. Предисловие и публикация Л. Н. Матениной и П. В. Куприяновского.....	62
К. Д. Бальмонт на страницах исторического альманаха "Минувшее" (Аннотированная библиография). Автор предисловия и составитель Е. И. Кудряшова.....	65

РАЗДЕЛ II

Раков В. П. Логос и стиль Марины Цветаевой: опыт теоретического описания.....	71
Дзузева Н. В. Игра как принцип творческого поведения в поэтическом сознании М. Цветаевой.....	81

Косарева Л. А. Смысл творчества в поэзии М. Цветаевой.....	91
Николаев А. И. Время в раннем творчестве М. Цветаевой (Постановка вопроса).....	99
Таганов А. Н. "Твой конь как прежде вихрем скачет..." (Марина Цветаева и Эдмон Ростан).....	106
Кузнецова Т. В. Марина Цветаева и Рудольф Штейнер (Встреча и отклик).....	114
Соболевская Е. К. Легенда о Вечном Жиде в произведениях М. Волошина и М. Цветаевой ("Путями Каина" и "Поэма Конца").....	122
Тюленева Е. М. М. Цветаева и Б. Пастернак: миф о спутнике.....	131
Страшнов С. Л. Поэмы "Перекоп" М. Цветаевой и "Песня о гибели казачьего войска" П. Васильева.....	134
Лебедева М. С. Стихотворный цикл М. Цветаевой "Иоанн".....	143
Короткова Р. С. Искусство жизни и жизнь как искусство в "Повести о Сонечке" М. И. Цветаевой.....	145
Соснина Е. Б. Варвара Иловайская: штрихи к портрету.....	147
Лайдинян С. А. Первая книга Анастасии Цветаевой (К столе- тию со дня рождения).....	153